УДК 811.512.31’373.21(1-925.16)

Р. Г. Жамсаранова

СЕМАНТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИИ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме семантических трансформаций в региональной топонимии Восточного Забайкалья. Введенный в научный оборот архивный документ 1897 года, в котором представлено более 590 названий улусов Хоринской Степной думы, иллюстрирует проблему семантической адаптации субстратных топонимов к нормам бурятского (как одного из монгольских) языка. Приспособление топонима к нормам принимающего языка на отдельных территориях представляет собой не до конца изученную научную проблему.

Ключевые слова: *семантическая адаптация топонимического субстрата, Восточное Забайкалье, монгольские языки, Хоринская Степная дума, названия улусов, псевдосемантизация.*

Актуальность исследуемой проблемы. Известно, что топоним, прежде всего в силу своего дейксиса, чрезвычайно консервативен, что приводит в конечном счете к функционированию плотного топонимического субстрата в любой региональной топонимической системе. Топонимический субстрат – это языковое свидетельство некогда обитавших на данной территории народностей и этносов, многие из которых исчезли, ассимилировались или мигрировали на другие территории. Топонимический субстрат с течением времени, особенно в связи со сменой населения или его языкового сознания, медленно трансформируется, меняется и тем самым приспосабливается к нормам языка-приемника.

Естественно, возникает вопрос о механизмах адаптации субстратного топонима к нормам другого языка. История проблемы опирается, прежде всего, на основные положения и выводы, изложенные в работах по сибирской топонимике А. П. Дульзона [12], [13], [14], [15] и его последователей – И. А. Воробьевой [3], [4], [5], [6], [7], [8], [9], Н. Б. Ковалевой [19], [20], [21] и др. Забайкальская топонимия в этом аспекте ранее никем не исследовалась и представляет собой чрезвычайно любопытную тематику для дальнейших перспективных изысканий.

Материал и методика исследований. Топонимический материал выбран из архивного документа «Ведомость об инородческом населении Хоринской Степной думы, Верхнеудинского округа с показанием народонаселения и учреждений, в них находящихся» от 1897 г. [ГАЗК], монографии «Ойконимы Хоринской Степной думы» [16], созданной на основе изученного документа из Государственного архива Забайкальского края.

В статье использованы следующие методы: сравнительно-сопоставительный, типологический, метод географических терминов, принцип семантической мотивированности, метод морфемного анализа.

© Жамсаранова Р. Г., 2018

Жамсаранова Раиса Гандыбаловна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры китайского языка Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия; e-mail: rebeca_zab@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.12.2017

Результаты исследований и их обсуждение. Архивный документ отражает определенный исторический период освоения территории Забайкалья Российской империей в XVII–XIX вв. Инородческое население, причисленное в ведение Хоринской Степной думы, в документе записано как крестьянское сословие. Тогда как на деле это были улусы-поселения, в которых на то время проживала основная часть бурятского населения, причисленного в ведомство Хоринской Степной думы, которая, в свою очередь, была образована в 1824 г. на месте Хоринской братской степной конторы и первоначально объединяла 11 родов хоринских (восточных) бурят. Жители ведомства проживали в 297 деревянных домах, 7533 войлочных и 2412 деревянных юртах, имели 11 общественных деревянных строений: здание Степной думы, одну часовню, семь дацанов, одно училище [16, с. 231]. В 1824 г. главным тайшой Степной думы становится Жигжид Дамба-Дугаров. По данным 1843 г., в ведомстве состояли 32542 человека, основой хозяйственной жизни хоринцев являлось скотоводство [25].

Известно, что кочевники, в частности бурят-монголы (как ранее именовали инородческое население Забайкалья), имели несколько мест своих кочевок – весенники, летники, осенники и зимники, что было обусловлено пастбищными и иными условиями скотоводческого хозяйствования. Поэтому при проведенной описи всех мест обитания хоринских бурят учитывались все именования улусов Степной думы. При этом следует, естественно, принять во внимание то, что угодья, пастбища и иные места, пригодные для проживания отдельного рода или подрода, были известны всем и регламентированы неписаными устоями родоплеменного права [11].

Возможно, именно этим фактом и обусловлено наличие нескольких одинаковых топонимов типа Олаганта (6 дворов, 32 души), Олаган-Боргасонъ (20 дворов, 97 душ), Баляга-уланъ (11 дворов, 64 души), Улагай (9 дворов, 36 душ), Олаганта (4 двора), Улунта, Олонъ-Шибиръ, Олонъ (254 двора, 1168 душ (из нескольких улусов, объединенных общим числом дворов и душ)), Цаган-Улунта (33 двора, 161 душа), Барунъ-Улунта, Олонъ (17 дворов, 86 душ), Ологан-тоголъ (1 двор, 9 душ).

Из числа ойконимов, где, как полагаем, детерминантом является эвенское *өлэн* ‘лощина; теснина’ как уместный географический термин, номинирующий физико-географические реалии отдельной местности, нами выделены именно эти как топонимы, утратившие свою изначальную семантику, т. е. не объяснимые с точки зрения монгольских языков. Анализ названий, объединенных одной и той же семантикой из лексических средств тунгусо-маньчжурских языков, позволяет определить и описать те возможные лексико-семантические вариации, которые иллюстрирует топонимный ряд, возникшие под влиянием прежде всего норм бурятского языка.

Во-первых, при учете наличия очевидных физико-географических особенностей местностей, номинированных посредством названия типа Олонъ (2 ед.), следует отметить лексико-семантическую параллель эвенского термина *өлэн* ‘лощина; теснина’ [2] с таковым старописьменно-монгольского языка *olon* ‘топь, тина’ [2]. В бурятском языке этому термину тунгусо-маньчжурских языков омонимична лексема *олон* ‘многое; много; множество’, что, по-видимому, и обусловило появление топонимов типа Олонъ-Шибирь, где термин *шэбэр* означает ‘чаща; густой лес (с преобладанием ельника и лиственницы)’ [2]. Заметим, что густой ельник растет именно в низменных, иногда болотистых местах, а потому подобные места и могли номинироваться разноязыкими онимизированными терминами – как эвенским *өлэн* ‘лощина; теснина’, так и старописьменно-монгольским *olon* ‘топь, тина’. Любопытно отметить наличие родовидового сдвига в терминированной лек-

сике тунгусо-маньчжурского и монгольского языков, когда понятие лощинного, а потому низменного места семантически связано с понятием топкого, иногда и тинистого места, большей частью по причине низменного болотистого рельефа местности.

Во-вторых, наличие десемантизированных топонимов типа Улунта (от эвенского терминированного *өлэн* ‘лощина; теснина’), подвергшихся к тому же псевдоморфологизации, когда к детерминанту эвенского языка приклеен аффикс принадлежности *-та(й)* бурятского языка, свидетельствует об адаптации последним лексики предшествующего (в данном случае эвенского) языка на данной территории.

Процесс псевдоморфологизации обнаруживается при адаптации топонимического субстрата тем, что аффиксальное приращение к иноязычной основе топонима способствует его вхождению в топонимическую систему. В результате появляются названия типа Улунта (3 ед.) и Олаганта (2 ед.) как вариации одной и той же исходной формы названия Олэн от эвенского *өлэн* ‘лощина; теснина’. Форму ойконима Олаганта возможно пояснить диахронным явлением контактирования эвенского как одного из тунгусо-маньчжурских языков со старописьменно-монгольским. Эпентезу *-га(н)-* можно связать с протетическим явлением, которое было развито в исторически обозримом периоде развития монгольских языков. В монголоведении описано такое историческое явление, как наличие увулярного согласного γ в позициях начала, середины и конца слов твердого ряда во всех современных монгольских языках, орфографически это передавалось как *-г-*. Поэтому форма Ола-*га*(н)-та, возможно, как раз и результат этого исторического явления, иллюстрирующего более позднее состояние языка, обусловленное появлением модифицированного звука *-г-*[γ] как трансформирования изначального присутствия консонанта *– w-* в положении между гласными в середине слова.

Известно, что, к примеру, формы лексем *itawun* ~ *itaγun* ‘куропатка’, *šibawun* ~ *šibaγun* ‘птица’ [24, с. 48–49] в результате исторического развития языка в бурятском языке приобрели форму *шубуун* [šubuun] ‘птица’. Общепризнано, что долготные комплексы с интервокальными согласными, вслед за трудами В. И. Рассадина, представляют собой древнее состояние монгольских языков [24, с. 48].

В результате утраты исходного значения топонима Олаганта или Улунта из эвенского языка при его освоении нормами уже бурятского языка и возникает на фоне межъязыковой омонимии такое распространенное толкование ойконима от бурятского *улаагана* (бот.) ‘кислица’, *газарай улаагана* ‘костяника’, оформленного аффиксом бурятского языка *-тай* ‘с чем-то’. На деле это яркий пример так называемой народной этимологии, когда возникают подобного рода значения топонимов.

Еще одним топонимным рядом, иллюстрирующим явление десемантизации топонимического субстрата и народной этимологии, может служить ряд ойконимов типа Барунъ-Тарбагатай (8 дворов, 42 души), Зунъ-Тарбагатай (9 дворов, 56 душ), Мунгутский Тарбагатай (2 двора, 13 душ), селение Тарбагатайское (19 дворов, 68 душ). Эти названия принято трактовать как ‘места с тарбаганами’ от бурятского слова *тарбаган* ‘тарбаган’, оформленного аффиксом *-тай* ‘с чем-то’.

Однако языковой анализ подобных топонимов с весьма прозрачной, на первый взгляд, семантикой может обнаружить явление ложной семантизации под влиянием не только межъязыковой омонимии (чем обычно поясняют подобного рода явления), но и весьма глубинных явлений, прежде всего процессом диахронной контактологии языков. И контактировали, т. е. одновременно функционировали, на одной и той же территории эвенский и старописьменно-монгольский языки.

Среди улусных названий Хоринской Степной думы наше внимание привлек ойконим Тырыбхэнъ, который, на наш взгляд, объясним также из лексики тунгусо-маньчжурских языков, а именно от эвенского *тээрэб* ‘гладкое, ровное место’. В настоящее время улус 1897 г. населен, село называется Тэрэпхэн, расположено на одноименной речке Тэрэпхэн – одном из притоков реки Хилок. Рельеф местности действительно представляет собой ровное и гладкое место, что согласуется с предлагаемым нами этимологическим значением топонимов. Вряд ли было так важно для номинанта обозначить данную местность как ‘место с тарбаганами’, т. е. Тарбагатай. Гораздо объективнее говорить о факте переосмысления исходного названия местности, как, к примеру, Тээрэб. Можно считать, что вследствие ложной семантизации и образовались названия типа Тарбагатай.

Еще одним ярким примером народной этимологии является анализ таких топонимов, как Могойтуй. В бурятском языке лексема *могой* означает «змея», поэтому принято считать, что подобные гидронимы, ойконимы происходят от нее. Однако мало кто задумывается о настоящем значении подобных «змеиных» названий, особенно при очевидном отсутствии рептилий в этих местах.

Можно объяснить происхождение ойконимов типа Могой (2 двора, 31 душа), Могой (67 дворов, 317 душ; экономический магазин) от хантыйского термина *мӑхәт* ‘короткая протока’, что согласуется с принципами в топонимике вообще. Адаптация топонима, имеющего обско-угорское языковое происхождение как одно из ранее установленных нами стратиграфических пластов в топонимии Восточного Забайкалья [17, с. 25–30], очевидна, когда посредством добавления к основе топонима бурятского аффиксального *-туй* ‘с чем-то’ и могли образоваться топонимные ряды типа Могойтуй.

Результаты исследования состояния процессов адаптации иноязычной топонимии и путей ее приспособления к русскому языку позволяют резюмировать, что «наибольшее влияние оказывает не столько непосредственно язык, сколько сложившаяся на базе языка топонимическая система, особенно при адаптации, затрагивающей структуру топонимов» [4]. Исследованные И. А. Воробьевой [3], [4], [5], [6], [7], [8], [9], Н. Б. Ковалевой [19], [20], [21] сибирские топонимы, иллюстрирующие закономерности и пути русской адаптации сибирских аборигенных названий, представляют собой яркий пример морфологических, фонетических и семантических перестроек как в структуре субстратного топонима, так и в его семантической ткани.

Также ученым К. Ф. Гриценко отмечено, что на характер русской адаптации влияет давность употребления названий в русской языковой среде [10, с. 29]. Результаты исследования западносибирских топонимов показали, что семантический анализ должен базироваться на сопоставлении дотопонимического значения географического названия в момент его возникновения и на современном этапе функционирования [21].

Одним из наиболее перспективных приемов при установлении языка-источника при этимологическом анализе топонима является, на наш взгляд, принцип семантической мотивированности. Вслед за А. К. Матвеевым [22] мы полагаем, что необходимо пополнять приемы и частные методики при этимологизации топонима, которые должны быть основаны на использовании принципа семантической мотивированности, учете системности топонимов и возможности их моделирования. А. К. Матвеев пишет, что трудности, встречающиеся при использовании принципа семантической мотивированности, могут быть обусловлены как интралингвистическими, там и экстралингвистическими факторами, порождающими частные особенности номинации, которые и определяют всю сложность данной топонимической системы [22, с. 199].

Принцип семантической мотивированности [1] представляет собой один из актуальных принципов в топонимических изысканиях. Важнейшим правилом при номинации географического объекта является правило семантически мотивированного выбора именования, отражающего, прежде всего, физико-географические особенности объекта. Иногда в названии отражаются моменты восприятия человеком географического объекта, иногда в имя вкладывается иной смысл, связанный с религиозными, культурными, идеологическими и иными установками номинанта.

По мнению О. И. Блиновой, разные типы мотивированности слов возникали в такой последовательности: сначала – фонетический тип, потом – семантический, затем – морфологический, которые явились следствием тенденции к мотивированности языкового знака [1, с. 89].

В отношении морфологических перестроек топонимов, когда к детерминанту приклеивается аффиксальное приращение, семантически востребованное в языке-приемнике, как, например, *-тай/-той/-туй* в бурятском или *-инск/-ово/-вка* и пр. в русском языках, можно говорить об их условной вторичности. Отмечено, что «семантическая мотивировка, скорее всего, возникла раньше морфологической, вместе с осознанием значения, т. е. с формированием его понятийного ядра. Этот тип мотивированности порождает полисемию, эффективно способствуя развитию семантики и обеспечивая семантическую жизнеспособность новых значений; кроме того, он систематизирует, упорядочивает семантическую систему языка» [18].

Не следует забывать и о таком актуальном явлении для топонимики вообще, как межъязыковая омонимия, которая наряду с вышеописанными факторами также способствует возникновению ложных этимологий. По мнению Ф. де Соссюра, наиболее частым фактором при перестройке слов, а затем и их значений, является фактор фонетических преобразований, не только видоизменяющих звуковые оболочки слов, но и уничтожающих при этом базу для фонетического сближения слова с исходной лексемой.

Изучение архивных топонимов любопытно уже тем, что, несмотря на всякого рода морфологические и лексические искажения, присутствующие в документе, возможно восстановить первоначальный лексический, а также семантический облик названия. Мы говорим о преждевременности отнесения топонимов типа Олон-Шибирь к собственно бурятским, т. к. первая часть этих названий происходит от эвенского *өлэн* ‘лощина; теснина’, но не от бурятского *олон* ‘многий; много; множество’.

Распространенные случаи межъязыковой омонимии в топонимике становятся основой для появления переосмысленных топонимов. Потому невозможно трактовать название Олаганта < Улаганта (бур.) как ‘с кислицей’, более вероятно значение ойконима как ‘лощина; теснина’, т. е. местность, представляющая собой лощинное место, узкий распадок, падь или низменность.

Лексическое и семантическое совпадение апеллятивной лексики терминологического характера разных языков, но одной алтайской языковой семьи может служить свидетельством трансферентно-интерферентных явлений при диахронной контактологии языков.

На территории Республики Бурятии и Восточного Забайкалья многочисленны названия типа Тарбагатай, которые принято трактовать от бурятского апеллятива *тарбаган* ‘тарбаган’ + бур. *-тай* ‘с чем-то’. Однако это переосмысленное название посредством бурятского языка по причине близости звукового облика лексемы. Более объективной представляется версия от эвенского апеллятива *тээрэб* ‘гладкое, ровное место’ + бур. *-тай* ‘с чем-то’, чем ‘место с тарбаганами’, например. В эвенском *тээрэб* ‘гладкое, ровное ме-

сто’ вследствие деэтимологизации, т. е. утраты семантического значения топонима уже средствами бурятского языка, в структуре онима могла произойти перестройка, когда из *тээрэб* образовалось *тарбага-*, добавилось *-тэ* (< *тай*) только по причине переосмысления и звукового подобия бурятскому апеллятивному *тарбаган*.

Вследствие переосмысления названий под влиянием норм принимающего языка изменяется не только внешняя, звуковая оболочка топонима, но и его внутренняя, семантическая сторона. И наличие, к примеру, весьма хорошо сохранившего свою внешнюю форму, однако утратившего при этом свое значение топонима Тэрэбхэн (село, река) служит доказательством возможности эвенского начала в названиях типа Тарбагатай. Тем более что местность расположения села Тэрэбхэн, по которой протекает одноименная речка – приток реки Хилок – это действительно ровное, гладкое место, окруженное лесами и поймой реки Хилок.

Отмечено, что процессы переосмысления, или, по-другому, деэтимологизации – разрушения этимологических связей, – возникают именно в топонимии [23]. Этот лингвистический процесс появляется в силу причин разного рода, как собственно лингвистических, так и экстралингвистических. Естественно, чаще всего деэтимологизируются те названия, основы которых относятся к совершенно другому языку, а потому никоим образом не соотносятся ни с одной из лексем повседневной речи пользователя топонима.

Происходит перестройка формальной ткани топонима, когда этноязыковым сознанием подыскивается похожее или созвучное слово, которое в итоге и становится именно тем условным детерминантом, значение которого и способствует появлению так называемой народной этимологии.

При этом топонимисту следует помнить и о том, что переосмысление – не единственный и далеко не основной тип адаптации. Топонимы могут изменяться и без переосмысления, и формы этих изменений как формально, так и содержательно могут быть разнообразны. Порой переосмысления носят чисто окказиональный, т. е. случайный, характер.

В. А. Никонов замечает, что «бесчисленные переосмысления – не просто случайные причуды речи. Все они продиктованы стремлением вернуть топониму этимологическое значение, хотя бы и бессмысленное для него» [23]. Видимо, только этим и продиктована этимология наименований, имеющих значение ‘с тарбаганами’, ‘с кислицей или костяникой’.

Резюме. Особую значимость в данном направлении приобретает методика исследования топонимического субстрата, приспособленного под нормы языка-приемника. Выяснилось, что сугубо бурятские на первый взгляд топонимы, которые к тому же легко объясняются из средств бурятского как языка-приемника, на деле представляют собой субстрат. И также огромна роль теоретических установок топонимики как науки: учет принципа семантической мотивированности, фактора межъязыковой омонимии, морфологических перестроек, принципа топонимической системности, а также иных лингвистических и экстралингвистических факторов, искажающих формальную и семантическую ткань субстратного топонима.

Таким образом, данный подход актуален и для изучения семантических сдвигов восточнозабайкальских топонимов, в частности архивных ойконимов Хоринской Степной думы. Этот подход позволил проследить развитие значения топонимов, выявить случаи семантических сдвигов, сопровождающихся фонетическими, морфологическими, фонетико-морфологическими преобразованиями, случаями переосмысления и замены мотивировочного признака.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Блинова О. И.* Явление мотивации слов: лексикологический аспект. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Либриком, 2010. – 208 с.

2. *Бурят-монгольско-русский* словарь / сост. К. М. Черемисов ; под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева. – М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1951. – 852 с.

3. *Воробьева И. А.* К вопросу о топонимических кальках // Языки и топонимия. Вып. 1. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1976. – С. 178–183.

4. *Воробьева И. А.* Некоторые замечания о русской адаптации иноязычных гидронимов Сибири в XVII веке // Ученые записки Томского государственного университета. Вопросы лингвистики. – 1966. – № 59. – С. 102–105.

5. *Воробьева И. А.* Новые русские гидронимические модели: по материалам гидронимии Восточной Сибири // Вопросы языкознания и диалектологии Сибири. – 1996. – Вып. 1. – С. 55–62.

6. *Воробьева И. А.* О некоторых типологических чертах русской гидронимики бассейна Средней Оби // Вопросы ономастики. – 1974. – № 8–9. – С. 15–24.

7. *Воробьева И. А.* О словообразовательном анализе славянских топонимов // Вопросы русского языка и его говоров. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1968. – С. 76–83.

8. *Воробьева И. А.* Русская адаптация топонимов аборигенных народов Западной Сибири // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1973. – С. 127–129.

9. *Воробьева И. А.* Русская топонимия средней части бассейна Оби. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1973. – 247 с.

10. *Гриценко К. Ф.* Итоги и задачи изучения топонимики Сибири // Вопросы ономастики. – 1974. – № 7. – С. 19–34.

11. *Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В.* История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. / отв. ред. Б. В. Базаров. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. – 503 с.

12. *Дульзон А. П.* Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения // Вопросы языкознания. – 1959. – № 4. – С. 35–46.

13. *Дульзон А. П.* Дорусское население Западной Сибири // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1981. – С. 361–371.

14. *Дульзон А. П.* Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики // Ученые записки Томского государственного педагогического института. – 1950. – Т. 6. – С. 175–187.

15. *Дульзон А. П.* Опыт этнической привязки топонимов субстратного происхождения // Ученые записки Томского государственного университета. – 1969. – № 75, вып. 2. – С. 3–5.

16. *Жамсаранова Р. Г.* Ойконимы Хоринской Степной думы. – Чита : ЗабГУ, 2017. – 274 с.

17. *Жамсаранова Р. Г., Шулунова Л. В.* Топонимия Восточного Забайкалья. – Чита : ЗабГГПУ им. Н. Г. Чернышевского, 2003. – 128 с.

18. *Журавлев В. К.* Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 336 с.

19. *Ковалева Н. Б.* К вопросу о принципах номинации в топонимике (на материале географических названий бассейна р. Ини) // Вопросы топономастики. Вып. 5 / отв. ред. А. К. Матвеев. – Свердловск : УрГУ, 1971. – С. 133–136.

20. *Ковалева Н. Б.* О семантическом переосмыслении топонимов // Ономастика Поволжья. – Вып. 2. – Горький : Б. и., 1971. – С. 131–137.

21. *Ковалева Н. Б.* Русская топонимия бассейна реки Ини (семантический анализ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Томск, 1972. – 20 с.

22. *Матвеев А. К.* Значение принципа семантической мотивированности для этимологизации субстратных топонимов // Этимология : материалы Международного симпозиума. – М., 1969. – С. 192–200.

23. *Никонов В. А.* Введение в топонимику. – Изд. 2-е. – М. : Изд-во ЛКИ, 2011. – 184 с.

24. *Рассадин В. И.* Очерки по исторической фонетике бурятского языка. – М. : Наука, 1982. – 199 с.

25. *Шагдурова И. Н.* Степные конторы – органы самоуправления бурят в период Российской империи // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – № 7. – С. 20–24.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

1. *Государственный* архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 19, оп. 1, д. 86.

UDC 811.512.31’373.21(1-925.16)

R. G. Zhamsaranova

SEMANTICALLY TRANSFORMED SUBSTRATE TOPONYMY OF EASTERN TRANSBAIKALIA

Transbaikal State University, Chita, Russia

Abstract. The article deals with the problem of semantic transformations in the system of the regional toponymy of Eastern Transbaikalia. Scientifically investigated resource of the archive document of Khorinsk Steppe Duma of 1897, where more than 590 settlement names are collected, illustrates the process of semantic transformations of substrate toponyms according to the norms of the Buryat language as one of the Mongol languages. Linguistic adaptation of substrate place-names to the norms of accepting language is not thoroughly investigated.

Keywords: *semantic transformation of toponymic substrate, Eastern Transbaikalia, Mongol languages, Khorinsk Steppe Duma, settlement names of Uluses, pseudo-semantization.*

REFERENCES

1. *Blinova O. I.* Javlenie motivacii slov: leksikologicheskij aspekt. – Izd. 2-e, ispr. i dop. – M. : Librikom, 2010. – 208 s.
2. *Burjat-mongol'sko-russkij* slovar' / sost. K. M. Cheremisov ; pod red. C. B. Cydendambaeva. – M. : Gos. izd-vo inostrannyh i nacional'nyh slovarej, 1951. – 852 s.
3. *Vorob'eva I. A.* K voprosu o toponimicheskih kal'kah // Jazyki i toponimija. Vyp. 1. – Tomsk : Izd-vo Tomskogo un-ta, 1976. – S. 178–183.
4. *Vorob'eva I. A.* Nekotorye zamechanija o russkoj adaptacii inojazychnyh gidronimov Sibiri v XVII veke // Uchenye zapiski Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Voprosy lingvistiki. – 1966. – № 59. – S. 102–105.
5. *Vorob'eva I. A.* Novye russkie gidronimicheskie modeli: po materialam gidronimii Vostochnoj Sibiri // Voprosy jazykoznanija i dialektologii Sibiri. – 1996. – Vyp. 1. – S. 55–62.
6. *Vorob'eva I. A.* O nekotoryh tipologicheskih chertah russkoj gidronimiki bassejna Srednej Obi // Voprosy onomastiki. – 1974. – № 8–9. – S. 15–24.
7. *Vorob'eva I. A.* O slovoobrazovatel'nom analize slavjanskih toponimov // Voprosy russkogo jazyka i ego govorov. – Tomsk : Izd-vo Tomskogo un-ta, 1968. – S. 76–83.
8. *Vorob'eva I. A.* Russkaja adaptacija toponimov aborigennyh narodov Zapadnoj Sibiri // Proishozhdenie aborigenov Sibiri i ih jazykov. – Tomsk : Izd-vo Tomskogo un-ta, 1973. – S. 127–129.
9. *Vorob'eva I. A.* Russkaja toponimija srednej chasti bassejna Obi. – Tomsk : Izd-vo Tomskogo un-ta, 1973. – 247 s.
10. *Gricenko K. F.* Itogi i zadachi izuchenija toponimiki Sibiri // Voprosy onomastiki. – 1974. – № 7. – S. 19–34.
11. *Dameshek L. M., Zhalsanova B. C., Kuras L. V.* Istorija organov mestnogo samoupravlenija burjat v XIX – nachale XX v. / otv. red. B. V. Bazarov. – Irkutsk : Izd-vo IGU, 2013. – 503 s.
12. *Dul'zon A. P.* Voprosy jetimologicheskogo analiza russkih toponimov substratnogo proishozhdenija // Voprosy jazykoznanija. – 1959. – № 4. – S. 35–46.

© Zhamsaranova R. G., 2018

Zhamsaranova, Raisa Gangybalovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Chinese Language, Transbaikal State University, Chita, Russia; e-mail: rebeca_zab@mail.ru

The article was contributed on December 29, 2017

13. *Dul'zon A. P.* Dorusskoe naselenie Zapadnoj Sibiri // Voprosy istorii Sibiri i Dalnego Vostoka. – Novosibirsk, 1981. – S. 361–371.

14. *Dul'zon A. P.* Drevnie smeny narodov na territorii Tomskoj oblasti po dannym toponimiki // Uchenye zapiski Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. – 1950. – T. 6. – S. 175–187.

15. *Dul'zon A. P.* Opyt jetnicheskoj privjazki toponimov substratnogo proishozhdenija // Uchenye zapiski Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 1969. – № 75, vyp. 2. – S. 3–5.

16. *Zhamsaranova R. G.* Ojkonimy Horinskoj Stepnoj dumy. – Chita : ZabGU, 2017. – 274 s.

17. *Zhamsaranova R. G., Shulunova L. V.* Toponimija Vostochnogo Zabajkal'ja. – Chita : ZabGGPU im. N. G. Chernyshevskogo, 2003. – 128 s.

18. *Zhuravlev V. K.* Vneshnie i vnutrennie faktory jazykovoj jevoljucii. – M. : Editorial URSS, 2004. – 336 s.

19. *Kovaleva N. B.* K voprosu o principah nominacii v toponimike (na materiale geograficheskih nazvanij bassejna r. Ini) // Voprosy toponomastiki. Vyp. 5 / otv. red. A. K. Matveev. – Sverdlovsk : UrGU, 1971. – S. 133–136.

20. *Kovaleva N. B.* O semanticheskom pereosmyslenii toponimov // Onomastika Povolzh'ja. – Vyp. 2. – Gor'kij : B. i., 1971. – C. 131–137.

21. *Kovaleva N. B.* Russkaja toponimija bassejna reki Ini (semanticheskij analiz) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01. – Tomsk, 1972. – 20 s.

22. *Matveev A. K.* Znachenie principa semanticheskoj motivirovannosti dlja jetimologizacii substratnyh toponimov // Jetimologija : materialy Mezhdunarodnogo simpoziuma. – M., 1969. – S. 192–200.

23. *Nikonov V. A.* Vvedenie v toponimiku. – Izd. 2-e. – M. : Izd-vo LKI, 2011. – 184 s.

24. *Rassadin V. I.* Ocherki po istoricheskoj fonetike burjatskogo jazyka. – M. : Nauka, 1982. – 199 s.

25. *Shagdurova I. N.* Stepnye kontory – organy samoupravlenija burjat v period Rossijskoj imperii // Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2011. – № 7. – S. 20–24.

SOURCES AND MATERIALS

1. Gosudarstvennyj arhiv Zabajkalskogo kraya (GAZK). F. 19, op. 1, d. 86.